

Ekaterina P. Loport

Ural Federal University, Ekaterinburg, Russia

Names of Boats Derived from Toponyms and Ethnonyms in the Russian Dialects of the Arkhangelsk Region

Voprosy onomastiki, 2016, Volume 13, Issue 1, pp. 178–190

DOI: 10.15826/vopr_onom.2016.13.1.011

Language of the article: Russian

Лопорт Екатерина Павловна

Уральский федеральный университет, Екатеринбург, Россия

Оттопонимические и этнонимические наименования лодок в русских говорах Архангельской области

Вопросы ономастики. 2016. Т. 13. № 1. С. 178–190

DOI: 10.15826/vopr_onom.2016.13.1.011

Язык статьи: русский

ОТТОПОНИМИЧЕСКИЕ И ОТЭТНОНИМИЧЕСКИЕ НАИМЕНОВАНИЯ ЛОДОК В РУССКИХ ГОВОРАХ АРХАНГЕЛЬСКОЙ ОБЛАСТИ

В статье рассматриваются засвидетельствованные в говорах Архангельской области наименования лодок, образованные от имен собственных — топонимов и этнонимов. Как показано автором, подобные отонимические наименования известны в разных регионах России и образуют ряд устойчивых общерусских семантических моделей, которые были особенно активны в прошлом, когда судостроение опиралось главным образом на местные традиции. В архангельских материалах оттопонимическая модель представлена названиями *двинский карбас*, *холмогорский карбас*, *селянка*, *соянка* и *цельянка*. Проведенный анализ свидетельствует о том, что четыре из этих пяти лексем производны от названий локальных центров судостроения, а название *двинский карбас* восходит к гидрониму. Отэтнонимическая модель представлена в Архангельской области наименованиями *зырянка* и *комячка*, которые связаны с синонимичными этнонимами *зыряне* и *коми*. Оба деривата этих этнонимов зафиксированы на северо-востоке области и свидетельствуют о культурных и языковых контактах русского населения с этническими группами коми-зырян. Анализируя отонимические названия лодок в целом, автор с опорой на этнографические и словарные материалы характеризует особенности конструкции лодок и выделяет такие их признаки, релевантные для диалектоносителей, как «устойчивость», «скорость», «маневренность, способность преодолевать мели».

Ключевые слова: русский язык, архангельские говоры, Архангельская область, диалектные наименования лодок, оттопонимические дериваты, отэтнонимические дериваты, апеллятивизация имени собственного, ономаσιологический анализ, семасиологический анализ, семантическая модель.

Общие замечания

Совершенно справедливо отмечается, что оттопонимические наименования находятся в тесной связи со спецификой окружающей диалектоносителя действительности и являются одним из важнейших этнокультурных источников, дающих представление о жизни и деятельности людей на той или иной территории [Борисова и др., 2013, 175]. Однако не будет ошибкой употребить эти слова в более широком смысле — по отношению к отонимическим лексемам в целом.

В данном исследовании мы рассмотрим отонимические наименования лодок, засвидетельствованные в русских говорах Архангельской области. Прежде чем приступить к их анализу, обратим внимание на соответствующие общерусские факты, уже приводившиеся в ряде научных работ.

Авторами этих работ выявлено несколько различных по продуктивности моделей отонимической номинации средств передвижения по воде. Наиболее устойчивой среди них является оттопонимическая модель «название центра изготовления → судно, изготовленное в данном центре», ср. *астраханка* < *Астрахань*, город [Орехова, 2000, 36]; *боровлянка* < *Боровичи*, город в Новгородской области; *кíжáнка*, *кíжинка*, *кíжская лóдка*, *кíжья лóдка* < *Кижы*, остров на Онежском озере в Карелии; *ромáновка* < *Романово-Борисоглебск*, старое название Тутаева, города в Ярославской области; *тíхвинка* < *Тихвин*, город [Борисова и др., 2013, 190–191] и т. д. Три примера из этого ряда упоминаются в одном контексте, касающемся истории развития судостроения, который также служит иллюстрацией описываемой модели: «Города начинают строить суда. Появляются характерные названия: тихвинки, получившие имя от г. Тихвина; романовки — от г. Романова, боровлянки — от г. Боровичей» [Там же, 190]. На продуктивность модели указывает и тот факт, что, например, в Волжском бассейне на протяжении XVIII–XIX вв. лодкам нередко «придавались эпитеты, соответствовавшие названию той местности или той реки, где они строились или плавали» [Кузнецов, 1956, 25].

Менее продуктивной оказывается в русских говорах другая оттопонимическая модель: «название местности → судно, используемое в этой местности», ср. *грумáлáнка* ‘судно, на котором плавали на остров Шпицберген’ < *Груммант* (диалектное название Шпицбергена) [Борисова и др., 2013, 191]; *сибíрка* ‘судно, доставляющее по Каме в Нижний Новгород груз железа из Сибири’ < *Сибирь* [Орехова, 2000, 37] и др.

Наряду с названиями поселений и местностей в наименованиях лодок нередко отражаются гидронимы. Довольно продуктивной, в частности, является модель «название водоема → судно, используемое на этом водоеме», ср. *ангáрка* < *Ангара*, река [Там же, 29]; *белозéрка* < *Белое Озеро*, озеро в Вологодской области; *мокиáн* < *Мокша*, река в европейской части России, приток Оки [Борисова и др., 2013, 189, 191].

Словарные данные позволяют выделить также отгидронимическую модель «название водоема → судно, построенное на этом водоеме», ср. *йжемка* ‘судно, построенное на реке Ижме’ < *Ижма*, река в Республике Коми; *тезянка* ‘судно, построенное на реке Тезе’ < *Теза*, река в Ивановской области [Борисова и др., 2013, 190, 191] и т. п. Однако выделение этой модели несколько условно, поскольку отгидронимические наименования предполагают, что изначально судно строится с целью использования его на определенном водоеме, обладающем уникальным набором характеристик. Соответственно, в подобных случаях можно говорить о своеобразном слиянии двух отмеченных моделей.

В целом при анализе отонимических наименований средств передвижения по воде провести их разграничение по мотивировочному признаку зачастую проблематично. Так, некоторые исследователи склонны считать лексему *тихвинка* производной от названия г. Тихвин (см. выше), тогда как другие полагают, что производящим являлось название Тихвинской речной системы, на которой использовалось судно [Орехова, 2000, 33]. Безусловно, точное восстановление модели должно опираться на исторические и этнографические источники, а также на лексемы, путь образования которых очевиден, однако даже с опорой на эти данные восстановить этимон конкретного наименования не всегда возможно.

Как известно, образ окружающего пространства с представлениями о чужих народах и землях — неотъемлемая часть картины мира. При этом считается, что наибольшее количество информации подобного рода содержится в языковых единицах, возникающих на базе этнонимов [Березович, 2006, 3]. Действительно, при номинации самых разных предметов окружающей действительности отэтнонимическая модель проявляет очень высокую продуктивность, ср. *калмычка* ‘женский головной убор’ [СРНГ, 12, 363], *мордовинник* ‘большой пивной горшок, корчага’, *немка* ‘корова особой молочной породы’ [Белоусова, 1979, 114], *чуваши* ‘вид лаптей’ [Борисова и др., 2013, 182] и мн. др. Однако, судя по имеющимся словарным данным, при номинации средств передвижения по воде отэтнонимическая модель в число приоритетных не входила (некоторые случаи ее реализации будут представлены ниже).

Нетрудно заметить, что значительная часть наименований, приведенных выше в качестве примеров, имеет отношение к северо-западной части России. Действительно, одной из характерных черт этой территории является разнообразие типов судов и их названий, что объясняется влиянием таких факторов, как тесная связь хозяйственной деятельности с акваторией, уникальность гидрологических условий, территориальная обособленность [Дубровин, 2001, 277, 372]. По этим причинам, видимо, в северо-западной части России — среди множества наименований судов — издавна возникали и названия, образованные от имен собственных. Так, в Беломорском бассейне первые упоминания названий судов по местности или водоему относятся к концу XVI — началу XVII в. [Кузнецов, 1956, 21].

Неудивительно, что подобные отонимические названия фиксируются в говорах северо-западной части России и в наши дни. В двух следующих разделах мы рассмотрим оттопонимические и отэтнонимические названия лодок, известные в русских говорах Архангельской области. Основным источником исследования являются данные «Словаря говоров Русского Севера» [СГРС] и его картотеки [КСГРС].

1. Оттопонимические наименования

В архангельских материалах оттопонимическая модель представлена названиями *двинский карбас*, *холмогорский карбас*, *щельянка*, *соянка* и *селянка*. В соответствии с количеством и качеством информации ниже мы представим их именно в таком порядке.

двѣнскій кáрбас < Двина, р. Лексема имеет значение 'гребное судно больших размеров с каютой на корме' [СРНГ, 13, 80; Борисова и др., 2013, 190]. По всей видимости, суда такого типа предназначались для передвижения по Северной Двине, с чем связана такая их особенность, как значительный размер. Северная Двина — полноводная река, изобилующая опасными течениями, поэтому идущее по ней судно должно быть устойчивым, т. е., в частности, достаточно большим.

холмогóрскій кáрбас < Холмогоры, с., центр Холмогорского района Архангельской обл. [СРНГ, 13, 80; Борисова и др., 2013, 192]. Название толкуется составителями СРНГ так же, как и предыдущее *двинский карбас* (см.). В отношении признака «большой размер» это неудивительно, поскольку на море (а с. Холмогоры известно как старинный центр поморского, т. е., прежде всего, морского судостроения) также наиболее надежны достаточно крупные суда. В силу различия номинаций и различия условий речного и морского плавания можно предполагать, что *двинский карбас* и *холмогорский карбас* отличались друг от друга некоторыми (не отраженными в дефинициях СРНГ) конструктивными особенностями.

щелья́нка 'широкая рыбацкая лодка, изготовленная в селе Долгощелье' (Мез): «Мы лодки наши щельянками называем, в Долгощелье их делают» [КСГРС]. Долгощелье, таким образом, выступает как один из локальных севернорусских центров судостроения. Его формированию именно в этом селе, по всей видимости, во многом способствовало географическое положение. Долгощелье находится в низовьях р. Кулой, впадающей в Мезенский залив, и, таким образом, имеет выход к Белому морю («В море от нас на щельянках ходили» [Там же]). Это обстоятельство, безусловно, открывало большие возможности как для морского промысла, так и для торговли, и, соответственно, требовало создания средств передвижения по воде определенного типа.

Как известно из этнографических источников, долгощельские мастера изготавливали разные типы судов: одни предназначались для рыбной ловли,

другие — для зверобойного промысла, третьи — для перевозки грузов [Малые Корелы, 2015, 5]. Такая ситуация вполне обычна и для других судостроительных центров: при создании лодки в расчет брали, с одной стороны, гидрологические особенности конкретного водоема, а с другой стороны — предназначение лодки для определенных целей [Дубровин, 2001, 372]. В то же время определить по контекстам, какой именно вид щельянки описывали информанты с. Долгощелье, затруднительно.

соьянка ‘разновидность лодки’ (Мез) [КСГРС]. В данном случае ни формулировка значения, ни объяснение информанта не дают возможности однозначно определить, как именно возникло название. Однако то, что лексемы *соьянка* и *щельянка* употреблены в одном контексте, а также сведения этнографического характера позволяют предположить, что эти лексемы образованы по одной модели, ср.: «Соьянки не таки устойчивы, но быстры, в них по Кулою сояне¹ ходили, щельянки устойчивы, в море от нас на щельянках ходили» [Там же].

Таким образом, наименование *соьянка*, скорее всего, производно от ойконима *Сояна*. Эта деревня располагается на берегах р. Сояна недалеко от места ее впадения в р. Кулой и, по всей видимости, представляет собой еще один локальный центр судостроения.

Менее вероятно, но все же не исключено, что в основе номинации в данном случае лежит семантическая модель «наименование жителей населенного пункта → судно, которое используют жители данного населенного пункта», ср.: «В них [соьянках] по Кулою сояне ходили» [Там же]. Схожий способ номинации отражен в лексеме *помóрочка*, обозначающей лодку, на которой ездят поморы [Орехова, 2000, 88]. Однако ставить катойконимы *поморы* и *сояне* в один ряд представляется некорректным, поскольку первый обозначает этнографическую группу, а второй — жителей конкретного поселения.

Высказывалось также предположение о том, что лексема *соьянка* образована от потамонима *Сояна* [Борисова и др., 2013, 191]. Примеры, приведенные в первом разделе нашего исследования, показывают, что подобная модель в русских говорах распространена достаточно широко. Более того, как отмечено выше (см. *двинский карбас*), она известна и на территории Архангельской области. Однако при описании лодки-соьянки информант делает акцент на ее использовании на р. Кулой («В них по Кулою сояне ходили»), а не на р. Сояна. Это, на наш взгляд, свидетельствует о том, что слово *соьянка*, скорее, образовано от названия населенного пункта.

Упоминание лексем *соьянка* и *щельянка* в одном контексте способствует не только выяснению пути их образования, но и выделению релевантных для диалектоносителей признаков этих лодок. В частности, очевидно, что в сознании информантов лодки противопоставлены по признаку «устойчивость»: «Соьянки

¹ Имеются в виду *сояне* — жители д. Сояна.

не так устойчивы», «Щельянки устойчивы» [КСГРС]. Кроме того, значимым для лодок типа соянка оказывается признак «скорость»: «Соянки <...> быстры» [Там же]. Особая значимость этих качеств подтверждается и экстралингвистическими сведениями: лодки типа соянка считались наиболее удобными для передвижения по быстрым мелким рекам [Малые Корелы, 2015, 3]. К числу таких рек относятся Сояна и Кулой, извилистость русла которых предполагает использование достаточно маневренных судов. Для лодок же типа щельянка важным оказывается признак, который условно можно обозначить как «схожесть с судами морского типа»: «Щельянка форму переняла от морских лодок» [КСГРС].

В этнографических источниках, пожалуй, наиболее полно характеризуются лодки типа щельянка. Так, помимо устойчивости [Малые Корелы, 2015, 5], специалисты указывают целый ряд конструктивных особенностей долгощельских лодок, которые считаются общими для всех судов Зимнего берега. Это отсутствие киля и руля в связи с заиленностью берегов, одинаковые прямые или дугообразные штевни, вынесенные вперед [Дубровин, 2001, 341]. Некоторые специфические черты щельянок (тонкие шпангоуты, гибкое крепление частей корпуса и т. п.) указывают на их родство с карельскими и саамскими лодками и, таким образом, относят долгощельские лодки к так называемым метисным судовым конструкциям [Там же, 26, 343].

О судостроительных традициях деревни Сояна информации не очень много. Известно, что там производили два типа лодок: речные и озерные. Их использовали в промысловых и транспортных целях. При этом выделяли малые (около 5 м), средние (7,1 м) и большие (до 9 м) соянки [Малые Корелы, 2015, 3].

Интересно, что поселение Сояна, вероятно, было основано выходцами из Долгощелья, ср.: «Щельяне сеют ячмень, хотя и незначительное число, ловят рыбу и в Кулое, и в реке Сойне², которая издавна дарована здешним крестьянам и соянским бобылям. Последние, выселившись из Долгощелья, образовали новое поселение Сояну» [Максимов, 2014, 18]. Это позволяет предполагать наличие неких общих приемов, применявшихся при изготовлении лодок типа щельянка и соянка — несмотря на то, что водоемы, на которых использовались названные суда, значительно отличались друг от друга. Кроме того, сведения, приведенные С. В. Максимовым, подтверждают оттопонимическую версию происхождения наименования *соянка*.

селья́нка ‘лодка-долбленка из осины’ (Вил) [КСГРС].

Оттопонимическая модель образования названий лодок фиксируется не только в Мезенском районе, находящемся на севере Архангельской области, но и в Вилегодском районе, т. е. в крайней юго-восточной части области. Эта модель реализуется в лексеме *селья́нка*, которая является дериватом ойконима *Селя́на*, ср.: «Селянку в Селянах делали, они первые начали, потом к нам спустилась» [Там

² Имеется в виду р. Сояна.

же]. Упомянутое с. Селяна находится в верховьях р. Виледь, правого притока р. Вычегда, впадающей в Северную Двину. Таким образом, модель проявляет себя не только в другом районе, но и в другой речной системе.

Приведенный выше контекст свидетельствует о том, что в Селянах, как и в Долгощелье и Сояне, также существовал локальный судостроительный центр, память о котором до сих пор сохраняется у местных жителей. Однако, вероятно, статус Селян как центра судостроения со временем был стерт или утрачен в связи с заимствованием судостроительных приемов близлежащими населенными пунктами.

О конструктивных особенностях селянок известно очень мало. По данным КСГРС можно предположить только, что в качестве релевантного признака диалектоносители выделяют технику изготовления, ср.: «Чтоб селянку сделать, осину хорошую найти надо, выдолбить, раздать бока, а сверху набоину прибить».

2. Этнотонимические наименования

Несмотря на то, что исследователи говорят об относительной незначительности влияния аборигенного населения на традиции севернорусского — в частности, поморского — судостроения [см., например: Дубровин, 2001, 175], это влияние все же имело место. Ярким доказательством тому служат как упоминавшиеся ранее особенности конструкции лодок, так и собственно языковые свидетельства.

Одним из них является наличие в русских говорах Архангельской области наименований лодок, образованных от этнонимов, которые называют финно-угорские этнические сообщества. В данном случае реализуется модель «этническая группа → судно, сделанное по образцу, представленному в этой группе, такое, как у них». Этой модели в русских говорах Архангельской области соответствуют рассматриваемые ниже лексемы *зырянка* и *комячка*.

зырянка ‘вид лодки, используемый населением коми, а также соседним русским населением’ (Леш, Мез) [КСГРС; СГРС, 4, 292].

Для этого наименования очевидна связь с этнонимом *зыряне*, ср.: «Зырянки из осины выдалбливали, они к нам от зырян пришли» [КСГРС]. В связи с этнонимом *зыряне* нельзя не упомянуть о том, что исторически он неоднозначен. В частности, А. К. Матвеев убедительно показал, что наименование *зыряне* изначально относилось к неизвестной ныне этнической группе Русского Севера, но в XV–XVI вв. было перенесено на группы народа коми [Матвеев, 1984, 83; см. также: Туркин, 1995, 20–25]. Но, как бы то ни было, с XVI в. до Октябрьской революции этноним *зыряне* служил основным обозначением народности коми [Туркин, 1995, 25], поэтому предполагаемая связь названия лодки *зырянка* с этнонимом *зыряне* именно в значении ‘коми’ очень вероятна. Она хорошо подтверждается с точки зрения лингвогеографии, поскольку Мезенский и Лешуконский районы

Архангельской области, на территории которых засвидетельствована лексема, граничат с Усть-Цилемским и Удорским районами Республики Коми.

Не противоречат этому и исторические сведения, согласно которым среднее течение р. Мезень и бассейн ее притока р. Вашки со 2-й пол. XVI в. начали осваиваться коми-зырянами — удорцами и вымичами [Жеребцов, 1998, 142–143, 147]. Отметим в связи с этим, что в Лешуконском районе название лодки *зырянка* засвидетельствовано в деревнях Колмогора, Смоленец и Ущелье, находящихся недалеко от устья р. Вашки. Со временем, вероятно, название лодки *зырянка* распространилось шире, охватив более северную территорию Примезенья, где слово зафиксировано в деревнях Кимжа и Усть-Няфта, относящихся ныне к Мезенскому району. Нельзя не отметить также, что в низовьях Мезени бывшие контакты русского и коми-зырянского населения подтверждаются и топонимическими данными [подробнее см.: Кабинина, 2011, 303–304].

комя́чка ‘вид длинной лодки, известный у населения коми’ (Леш) [КСГРС; СГРС, 5, 293].

Формально эта лексема совпадает со словом *комячка*, обозначающим представительницу народности коми, однако, скорее, в основе наименования лежит этноним *комяки*, оформленный в деривате характерным для названий лодок суффиксом *-к-* со столь же характерным общим оформлением слова по женскому роду (как родовое *лодка* — ср. предыдущее *зырянка*, а также приведенные в первом разделе оттопонимические названия с суффиксом *-к-*: *астраханка*, *кижанка*, *тихвинка* и др.).

При сопоставлении лексем *комячка* и *зырянка* в рассматриваемых нами значениях прояснения требуют два факта: неравномерная распространенность названий и употребление двух лексем, образованных от синонимичных этнонимов, на одной территории. При этом лексема *зырянка* имеет достаточно выраженный микроареал, тогда как наименование *комячка* является гапаксом, отмеченным только в д. Смоленец Лешуконского района.

Эти факты находят вполне логичное объяснение при обращении к истории этнонимов *зыряне* и *коми*, которая, как представляется, служит наглядным примером влияния историко-политических процессов на язык.

Выше уже отмечалось, что примерно с XVI в. до Октябрьской революции этноним *зыряне* являлся общепринятым русским названием народа коми — как в литературном языке, так и в диалектах³. Обычно в образованных от этого этнонима русских словах не прослеживается какая-либо оценка — в них отражается лишь указание на принадлежность называемой реалии «чужой» этнической группе [Попова, 1996, 98], ср. *зырянка* ‘винтовка малого калибра, с которой зыряне ходят на охоту за белкой’ [Дилакторский, 2006, 174], *зырянка* ‘вид кадрили’ [СГРС, 4, 292], *зырянские снопы* ‘вязка ржаных снопов’ [Попова, 1996, 97] и т. п.

³ В диалектах Русского Севера наряду с формой *зыряне* встречается форма *зырь*.

Этноним *коми* был утвержден в статусе официального после Октябрьской революции [Туркин, 1995, 26]. Анализ диалектных словарей свидетельствует о том, что в русских народных говорах он не приобрел такой популярности, как его предшественник: в основном дериваты этнонима *коми* используются в непосредственном этноквалифицирующем значении (ср., например, упомянутое выше *комьяк*)⁴. Возможно, это связано с тем, что к началу XX в. для наиболее важных реалий уже сложились этнонимические образования с основой *зырян-*, в силу традиции сохранявшиеся и дальше. Не исключено также, что модель номинации по этногруппе утратила свои позиции под влиянием советской системы, главной целью которой было привести все и всех к общему знаменателю, сделать в новом государстве все народы равными, «своими».

Вероятно, сложные взаимоотношения между этнонимами *зыряне* и *коми* в большей степени характеризовали литературный язык и мало коснулись диалектов. Но, по крайней мере, отдельные дериваты «нового» этнонима *коми* могли возникать и в диалектной среде, на что указывает зафиксированное в д. Смоленец название лодки *комьячка*. При этом показательно, что в этой же деревне фиксируется и «старое» наименование *зырянка*, что иллюстрирует возможность использования синонимичных этнонимов в рамках одной структурно-семантической модели (ср.: «На зырянках комики плавали» [КСГРС]).

Наличие наименований лодок, образованных от синонимичных этнонимов *зыряне* и *коми*, оставляет открытым вопрос о схожести реалий, имеющих названия *зырянка* и *комьячка*. Тем не менее, анализ контекстов позволяет предполагать, что на территории Лешуконского района лексемы *зырянка* и *комьячка* обозначали схожие реалии, поскольку в обоих случаях диалектоносители в качестве релевантного признака выделяют маневренность лодки, ее способность преодолевать мели: «На зырянках по мелям ходили» [СГРС, 4, 292], «На комьячках вверх по мелям ходили» [СГРС, 5, 293].

Однако в поселениях Мезенского района наименование лодки *зырянка*, вероятно, соответствовало несколько иной реалии, поскольку здесь для диалектоносителей оказывается значимой возможность использования лодки на море: «На зырянках в море-то ходили» [СГРС, 4, 292].

Выводы

Подводя итоги исследования отонимических наименований лодок в говорах Архангельской области, необходимо отметить следующее.

1. Из выделенных в русских диалектах отонимических моделей на территории Архангельской области встречаются три: «центр изготовления → судно,

⁴ В целом такая ситуация вполне нормальна для языка, поскольку активность этнонимов в роли производящих основ различна [Попова, 1996, 98].

изготовленное в данном центре» (*холмогорский карбас, щельянка, соянка, селянка*); «название водоема → судно, используемое на этом водоеме» (*двинский карбас*); «этническая группа → судно, сделанное по образцу, представленному в этой группе» (*зырянка, комячка*).

2. Оттопонимические модели фиксируются в бассейнах двух важнейших в жизни Архангельской области рек — Мезени и Северной Двины. Продуктивность этих моделей объясняется острой хозяйственной необходимостью использования разных по условиям участков акватории и, соответственно, формированием локальных судостроительных центров.

3. В архангельских материалах оттопонимические наименования лодок составляют не более 3 % от общего количества названий (отонимические наименования в целом — не более 4 %). Если учесть, что на определенном этапе истории локальные судостроительные центры возникали повсеместно, эта статистика говорит о постепенном исчезновении реалий и обозначающих их лексем. Искоренение «староманерного» судостроения, не удавшееся Петру I, произошло, по-видимому, путем введения современных средств передвижения по воде (лодок из легких сплавов, моторных лодок и т. п.).

4. Названия лодок, являющиеся отэтнотонимическими дериватами, имеют внутреннюю форму «такой, как у представителей другой этнической группы, сделанный по их образцу». Тем самым при помощи языковых средств фиксируется элемент чужой культуры, однако положительная или отрицательная оценка этому элементу не дается. При обозначении лодок синонимичные этнонимы *зырянка* и *комячка* используются как вариативные, хотя первый этноним чаще выступает в качестве производящей основы, что, вероятно, обусловлено историческими причинами. В целом применительно к исследуемой территории можно говорить если не о продуктивности, то, по крайней мере, об устойчивости отэтнотонимической модели при образовании названий лодок.

5. Семасиологический анализ отонимических наименований лодок демонстрирует значимость таких признаков, как «устойчивость», «маневренность, способность преодолевать мели», «схожесть с морскими судами». Их выделение связано с необходимостью передвижения по мелким порожистым рекам или выхода в море.

6. Этнографические сведения не всегда позволяют точно определить внешний вид реалии, описываемой информантом, поскольку одним наименованием могут обозначаться лодки разных типов.

7. Анализ отонимических наименований лодок формирует представление о локальных судостроительных центрах, существовавших на территории Архангельской области, и, следовательно, о жизни людей, ее населявших. Кроме того, исследуемая группа лексем в очередной раз подтверждает наличие контактов русских переселенцев с аборигенными этническими группами и в некоторой степени, возможно, позволяет уточнить их локализацию.

- Белюсова О. М.* К типологии этнонимических наименований в апеллятивной лексике // *Вопр. ономастики.* 1979. № 13. С. 111–115.
- Березович Е. Л.* О явлении лексической ксеномотивации // *Вопр. языкознания.* 2006. № 6. С. 3–20.
- Борисова Е. О., Кривошапова Ю. А., Кучко В. С., Сеница Н. А.* Из Материалов к словарю русских оттопонимических дериватов // *Вопр. ономастики.* 2013. № 2 (15). С. 174–199.
- Дилакторский* — Словарь областного вологодского наречия. По рукописи П. А. Дилакторского 1902 г. / изд. подг. А. И. Левичкин, С. А. Мызников. СПб. : Наука, 2006.
- Дубровин Г. Е.* История северорусского судостроения. СПб. : Алетей, 2001.
- Жеребцов И. Л.* Демографические процессы в Коми крае в конце XV — начале XX века : дис. ... д-ра ист. наук / Урал. отд-ние РАН ; Коми науч. центр ; Ин-т яз., лит. и ист. Сыктывкар, 1998.
- Кабинина Н. В.* Субстратная топонимия Архангельского Поморья. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2011.
- КСГРС* — Картотека Словаря говоров Русского Севера (хранится на кафедре русского языка и общего языкознания УрФУ, г. Екатеринбург).
- Кузнецов В. П.* Речные деревянные суда. Л. : Речной транспорт, 1956.
- Максимов С. В.* Год на Севере. М. : Директ-Медиа, 2014.
- Малые Корелы* — Крестьянские суда на Севере. Памятники северорусского деревянного судостроения в собрании Музея «Малые Корелы». Архангельск : [б. и.], 2015.
- Матвеев А. К.* Еще об этимологии этнонима *зырянин* // *Этимологические исследования* : сб. науч. тр. Вып. 3 / под ред. А. К. Матвеева. Свердловск : Изд-во Урал. ун-та, 1984. С. 79–90.
- Орехова Т. И.* Формирование тематической группы названий водных средств передвижения в истории русского языка XVIII–XX вв. : дис. ... канд. филол. наук / Алт. гос. ун-т. Барнаул, 2000.
- Попова Э. Ю.* Отэтнонимические образования в диалектной лексике русского Севера // *Ономастика и диалектная лексика* : сб. науч. тр. Вып. 1 / отв. ред. М. Э. Рут. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 1996. С. 96–98.
- СГРС* — Словарь говоров Русского Севера / под ред. А. К. Матвеева. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2001–. Т. 1–.
- СРНГ* — Словарь русских народных говоров / гл. ред. Ф. П. Филин (вып. 1–22); Ф. П. Сороколетов (вып. 23–42); С. А. Мызников (вып. 43–). М. ; Л. ; СПб. : Наука, 1965–. Вып. 1–.
- Туркин А. И.* Происхождение названий народа коми // *Linguistica Uralica* 1995. Т. 31. № 1. С. 17–28.

Рукопись поступила в редакцию 20.03.2016

СОКРАЩЕНИЯ

Вил	Вилегодский район Архангельской области
Леш	Лешуконский район Архангельской области
Мез	Мезенский район Архангельской области

* * *

Лопорт Екатерина Павловна

ассистент кафедры русского языка
для иностранных учащихся; аспирант
кафедры русского языка и общего языкознания
Уральский федеральный университет
620142, Екатеринбург, ул. Чапаева, 16, каб. 309
E-mail: katarzyna-ne@mail.ru

Loport, Ekaterina Pavlovna

Assistant Professor, Department of Russian
for Foreign Students; PhD Student,
Department of Russian Language
and General Linguistics
Ural Federal University
16, Chapayev Str., office 309
620142 Ekaterinburg, Russia
E-mail: katarzyna-ne@mail.ru

Ekaterina P. Loport

Ural Federal University
Ekaterinburg, Russia

NAMES OF BOATS DERIVED FROM TOPONYMS AND ETHNONYMS IN THE RUSSIAN DIALECTS OF THE ARKHANGELSK REGION

The article deals with the names of different kinds of boats attested in Arkhangelsk region, more precisely, it focuses on the names derived from toponyms and ethnonyms. The author shows that these naming patterns are widespread in different regions of Russia and constitute a set of stable semantic models which were particularly active in the past, when shipbuilding relied mainly on local traditions. In Arkhangelsk dialects the detoponymic model is attested in the names *dvinsky karbas*, *kholmogorsky karbas*, *selyanka*, *soyanka* and *schelyanka*, four of those names having derived from the names of local centers of shipbuilding and one (*dvinsky karbas*) — from a river name. The second model (derivation from ethnonyms) is represented, in Arkhangelsk dialects, by two names — *zyryanka* and *komyachka* — related to the ethnonyms *Zyrian* and *Komi*. Both derivatives are attested in the North-East of the region and testify to cultural and language contacts between Russians and the Komi people in that area. Based on lexicographic and ethnographic materials, the author analyses deonymic names of boats in general, describing the main features of boats relevant for dialect speakers (steadiness, speed, maneuverability, capacity to pass through shoals).

Key words: Russian language, Arkhangelsk dialects, Arkhangelsk region, dialectal names of boats, place name derivatives, ethnonymic derivatives, appellativization of a proper name, onomasiological analysis, semasiological analysis, semantic model, naming pattern.

- Belousova, O. M. (1979). K tipologii otetnonimicheskikh naimenovaniy v apelliativnoi leksike [Towards a Typology of Deethnonymic Appellative Nouns]. *Voprosy onomastiki*, 13, 111–115.
- Berezovich, E. L. (2006). O iavlenii leksicheskoi ksenomotivatsii [On the Lexical 'Xenomotivation' Phenomenon]. *Voprosy jazykoznanija*, 6, 3–20.
- Borisova, E. O., Krivoshechayeva, Iu. A., Kuchko, V. S., & Simitsa, N. A. (2013). Iz Materialov k slovari ru ruskikh ottoponimicheskikh derivatov [From Materials for A Dictionary of Russian Place Name Derivatives]. *Voprosy onomastiki*, 2, 174–199.

- Dubrovin, G. E. (2001). *Istoriia severorusskogo sudostroeniia* [A History of Shipbuilding in the Russian North]. Saint Petersburg: Aleteiia.
- Filin, F. P., Sorokoletov, F. P., & Myznikov, S. A. (Eds.). (1965–). *Slovar' russkikh narodnykh govorov* [A Dictionary of Russian Popular Dialects]. (Vols. 1–). Moscow; Leningrad; Saint Petersburg: Nauka.
- Kabinina, N. V. (2011). *Substratnaia toponimiia Arkhangel'skogo Pomor'ia* [Substrate Toponymy of Arkhangel'sk Pomorye]. Ekaterinburg: Izd-vo Ural. un-ta.
- Krest'ianskie suda na Severe. Pamiatniki severorusskogo dereviannogo sudostroeniia v sobranii Muzeia «Malye Korely»* [Peasants' Ships in the North. Monuments of Northern Russian Wooden Shipbuilding in the Collection of the Museum "Malye Karely"] (2015). Arkhangel'sk: [s. n.].
- Kuznetsov, V. P. (1956). *Rechnye dereviannye suda* [Wooden River Ships]. Leningrad: Rechnoi transport.
- Levichkin, A. I., & Myznikov, S. A. (Eds.). (2006). *Slovar' oblasnogo vologodskogo narechiia. Po rukopisi P. A. Dilaktorskogo 1902 g.* [A Dictionary of the Vologda Region Dialect. Based on P. A. Dilaktorsky's Manuscript of 1902]. Saint Petersburg: Nauka.
- Maksimov, S. V. (2014). *God na Severe* [A Year in the North]. Moscow: Direkt-Media.
- Matveyev, A. K. (1984). Eshche ob etimologii etnonima *zyrianin* [Once Again on the Etymology of the Ethnonym *Zyrianin*]. In A. K. Matveyev (Ed.), *Etimologicheskie issledovaniia* [Etymological Investigations] (Vol. 3, pp. 79–90). Sverdlovsk: Izd-vo Ural. un-ta.
- Matveyev, A. K. (Ed.). (2001–). *Slovar' govorov Russkogo Severa* [A Dictionary of Dialects of Northern Russia] (Vols. 1–). Ekaterinburg: Izd-vo Ural. un-ta.
- Orehova, T. I. (2000). *Formirovanie tematicheskoi gruppy nazvanii vodnykh sredstv peredvizheniia v istorii russkogo iazyka XVIII–XX vv.* [The Formation of the Set of Names of Water Vehicles in the History of the Russian Language, 18th–20th Centuries] (Doctoral dissertation). Barnaul: Altay State University.
- Popova, E. Iu. (1996). Otetnonimicheskie obrazovaniia v dialektnoi leksike russkogo Severa [Derivatives from Ethnonyms in the Dialects of the Russian North]. In M. E. Rut (Ed.), *Onomastika i dialektnaia leksika* [Onomastics and Dialectal Lexis] (Vol. 1, pp. 96–98). Ekaterinburg: Izd-vo Ural. un-ta.
- Turkin, A. I. (1995). Proiskhozhdenie nazvanii naroda komi [On the Origin of the Name of the Komi People]. *Linguistica Uralica*, 31(1), 17–28.
- Zherebtsov, I. L. (1998). *Demograficheskie protsessy v Komi krae v kontse XV — nachale XX veka.* [Demographic Processes in Komi Region in the Late 15th — Early 20th Centuries] (Habilitation thesis). Syktyvkar: Institute of Language, Literature and History, Komi Research Centre of the Ural Branch of the RAS.

Received 20 March 2016